ШАХМАТЫ ГЕОПОЛИТИКИ

ТОМ БЁРДЖИС

МАТЕРИК СОКРОВИЩ

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ, ОЛИГАРХИ, КОНТРАБАНДИСТЫ И КРАЖА КОРПОРАЦИЯМИ БОГАТСТВ АФРИКИ

Том Берджис

Материк сокровищ. Военачальники, олигархи, контрабандисты и кража корпорациями богатств Африки

Серия «Шахматы геополитики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71257171
Материк сокровищ. Военачальники, олигархи, контрабандисты и кража корпорациями богатств Африки:
ISBN 978-5-00222-524-8

Аннотация

Несмотря на то, что колониальная система в Африке окончательно рухнула к 1975 году, страны Чёрного континента по-прежнему остаются бедными и эксплуатируемыми.

Последнее время мы видим значительное деловое оживление в Африке: всюду строятся железные дороги, растёт уровень жизни, разрастаются города и производства. Однако Бёрджис говорит: ещё рано радоваться. Во многом нынешний рост африканских стран по-прежнему основан на экспорте ресурсов.

Крупные корпорации вместе с коррумпированными элитами Африки продолжают ограблять континент. Есть ли выход из этой ситуации?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение. Проклятие богатства 6
Футунго Инкорпорейтед 21
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Том Бёрджис
Материк сокровищ
Военачальники, олигархи, контрабандисты и кража корпорациями богатств Африки

© Бёрджис Т., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

Введение. Проклятие богатства

Застывший момент, когда все видят,
что находится на конце каждой вилки.
Уильям Берроуз «Голый завтрак»

Напротив Нью-Йоркской фондовой биржи, на месте, которое туристический указатель называет «финансовым перекрестком мира», величественный каменный фасад дома 23 по Уолл-стрит напоминает о могуществе человека, для банка которого он был построен в 1913 году: Дж. П. Моргана, титана американского капитализма. Внешний вид здания пользуется популярностью в Голливуде – в фильме 2012 года «Темный рыцарь. Возрождение легенды» оно сыграло роль фондовой биржи Готэм-сити, – но когда я посетил его в конце 2013 года, красная дорожка лежала на грязном ковре под моросящим дождем. Сквозь заляпанное стекло в закрытых металлических воротах было видно лишь несколько полосатых лампочек, лестницы, обшитые фанерой, и светящийся красный знак «Выход» в полуразрушенном интерьере, где когда-то сверкала огромная люстра.

Несмотря на свою заброшенность, дом 23 на Уолл-стрит остается символом элиты, трофеем в меняющейся игре глобальной коммерции. Адрес его нынешних владельцев – офис на десятом этаже гонконгского небоскреба. Бывшая казар-

ма британской армии, Queensway, была преобразована в зеркальные башни Pacific Place, отражающие солнечный свет на этот деловой район. Роскошный торговый центр, обвешанный кондиционерами снаружи, усыпан дизайнерскими бутиками: Armani, Prada, Chanel, Dior. Отель Shangri La, занимающий верхние этажи второй из семи башен Pacific Place, предлагает люксы по цене 10 000 долларов за ночь.

Офис на десятом этаже гораздо более неприметен. Как и небольшая группа мужчин и женщин, которые используют его в качестве юридического адреса для себя и своей сети компаний. Тем, кто пытался проследить их развитие, они известны неофициально как «Квинсвей Групп».

Их интересы, пронизанные сетью сложных корпоративных структур и секретных оффшоров, лежат в Москве и на Манхэттене, в Северной Корее и Индонезии. Среди их деловых партнеров – китайские государственные корпорации, BP, Total и другие западные нефтяные компании, а также Glencore, гигантский сырьевой торговый дом, базирующийся в швейцарском городке. Но главным образом состояние и влияние Queensway Group обусловлены природными ресурсами, которые лежат в земле Африки. Примерно на равном расстоянии – около семи тысяч миль от каждого – между Wall Street, 23 в Нью-Йорке и Queensway, 88 в Гонконге, возвышается еще один небоскреб. Золотое здание в центре столицы Анголы, Луанды, возвышается на двадцать пять этажей и смотрит на залив, где Атлантика омывает берега юж-

ной Африки. Здание называется CIF Luanda One, но местным жителям оно известно как «Здание Тома и Джерри» из-за мультфильмов, которые транслировались на его внешние стены, когда здание принимало форму в 2008 году. Внутри находятся бальный зал, сигарный бар и офисы иностранных нефтяных компаний, которые занимаются разработкой огромных запасов сырой нефти под морским дном. У входа стоит солидного вида охранник, над которым развеваются три флага. Один – ангольский. Второй – Китая, растущей державы, которая построила дороги, мосты и железные дороги в Анголе, а та, в свою очередь, поставляет каждый седьмой баррель нефти, которую Китай импортирует для обеспечения своего стремительного экономического роста. Желтая звезда коммунизма украшает оба флага, но в наши дни социалистический фасад правителей каждой страны не очень-то сочетается с их баснословным богатством.

Третий флаг принадлежит не государству, а компании, построившей башню. На белом фоне на нем изображены три серые буквы: CIF, что означает China International Fund, одно из наиболее заметных орудий таинственной многонациональной сети Queensway Group. В совокупности эти три флага являются знаками империи нового типа.

В 2008 году я устроился на работу корреспондентом Financial Times в Йоханнесбурге. Это были времена бума. Цены на сырьевые товары, которыми Южная Африка и ее соседи обладают в изобилии, неумолимо росли с начала ты-

сячелетия, по мере того, как Китай, Индия и другие быстрорастущие экономики повышали спрос на ресурсы. В 1990-е годы средняя цена унции платины составляла 470 долларов. Тонна меди стоила 2600 долларов, баррель нефти – 22 доллара. К 2008 году цена платины выросла втрое – до 1500 долларов, а медь стала в два с половиной раза дороже – 6800 долларов. Нефть подорожала более чем в четыре раза – до 95 долларов, а в один из дней июля 2008 года достигла 147 долларов за баррель. Затем американская банковская система взорвалась. Ударная волна прокатилась по мировой экономике, и цены на сырьевые товары упали. Руководители, министры и уволенные шахтеры с ужасом смотрели на то, как безрассудство далеких банкиров ставит под угрозу доходы от продажи ресурсов, которые были кровью для экономики Африки. Но Китай и остальные страны продолжали расти. Уже через пару лет цены на сырьевые товары вернулись к докризисным уровням. Бум возобновился.

В течение года я путешествовал по югу Африки, освещая выборы, перевороты и коррупционные процессы, усилия по борьбе с бедностью и судьбы гигантских горнодобывающих компаний, базирующихся в Йоханнесбурге. В 2009 году я переехал в Лагос, где провел два года, освещая ситуацию в этой западноафриканской стране.

Существует множество теорий о причинах нищеты и раздоров на континенте; многие рассматривают 900 миллионов человек и сорок восемь стран Черной Африки, региона к югу

от пустыни Сахара, как однородную массу.

Колонизаторы разрушили Африку, утверждают одни теоретики, а ее страдания усугубляются диктатом Всемирного банка и Международного валютного фонда; другие считают африканцев неспособными к самоуправлению, чрезмерно «племенными» и врожденно склонными к коррупции и насилию. Были и те, кто считал, что в Африке в целом все хорошо, но журналисты, ищущие сенсационных историй, и благотворительные организации, стремящиеся затронуть сердечные струны доноров, искажают ее образ. Рецепты были столь же разнообразны и противоречивы, как и диагнозы: сократить государственные расходы, чтобы дать возможность процветать частному бизнесу; сосредоточиться на реформировании армии, продвижении «хорошего управления» или расширении прав и возможностей женщин; бомбардировать континент помощью; насильно открыть африканские рынки, чтобы втянуть континент в глобальную экономику.

В то время как богатый мир боролся с рецессией, эксперты, инвесторы и специалисты по развитию стали заявлять, что Африка, напротив, находится на подъеме. Коммерческие показатели говорили о том, что благодаря экономической революции, вызванной сырьевым бумом, растущий средний класс заменяет склонность Африки к конфликтам безудержным потреблением мобильных телефонов и дорогого виски. Но такой жизнерадостный анализ был оправдан

лишь в отдельных частях континента. Путешествуя по дельте Нигера, где находится нефтяная промышленность Нигерии, или по богатым полезными ископаемыми полям сражений в восточной части Конго, я пришел к выводу, что запасы природных ресурсов Африки не станут ее спасением; напротив, они станут ее проклятием.

Вот уже более двух десятилетий экономисты пытаются понять, что именно в природных ресурсах сеет хаос. «Парадоксально, – писали Макартан Хамфрис, Джеффри Сакс и Джозеф Стиглиц из Колумбийского университета в 2007 году, – но, несмотря на перспективы богатства и возможностей, сопровождающие открытие и добычу нефти и других природных ресурсов, такие богатства слишком часто препятствуют, а не способствуют сбалансированному и устойчивому развитию».

Аналитики консалтинговой компании McKinsey подсчитали, что 69 процентов людей, живущих в крайней бедности, проживают в странах, где нефть, газ и полезные ископаемые играют доминирующую роль в экономике, и что средний доход в этих странах в подавляющем большинстве случаев ниже среднемирового.

Количество людей, живущих в одних из самых богатых государств планеты, если судить по природным ресурсам, просто поражает. По данным Всемирного банка, доля населения, живущего в крайней бедности, рассчитанная как люди, живущие на 1,25 доллара в день и скорректированная с

учетом того, что можно купить на эту жалкую сумму в каждой стране, составляет 68 процентов в Нигерии и 43 процента в Анголе, соответственно первом и втором по величине производителях нефти и газа в Африке. В Замбии и Конго, чья общая граница проходит по медному поясу Африки, уровень крайней бедности составляет 75 и 88 процентов соответственно. Для сравнения: в условиях крайней бедности живут 33 процента индийцев, 12 процентов китайцев, 0,7 процента мексиканцев и 0,1 процента поляков.

Феномен, который экономисты называют «проклятием ресурсов», конечно, не является универсальным объяснением существования войны или голода в Африке или где-либо еще: коррупция и этническое насилие постигли и те африканские страны, где сырьевые отрасли составляют относительно незначительную часть экономики, например, Кению. Не все богатые ресурсами страны обречены: достаточно взглянуть на Норвегию. Но чаще всего в странах, где добывающие отрасли, прежде всего нефтяной и горнодобывающий бизнес, доминируют в экономике, происходят неприятные вещи. Остальная экономика становится искаженной, поскольку доллары вливаются в нее для покупки ресурсов. Доходы, которые правительства получают от ресурсов своих стран, являются незаработанными: государства просто выдают иностранным компаниям лицензии на добычу нефти или разработку руд. Такой доход называется «экономической рентой» и не способствует эффективному управлению.

Он создает денежную массу в распоряжении тех, кто контролирует государство. На крайних уровнях договор между правителями и управляемыми разрывается, потому что правящему классу не нужно облагать народ налогами, чтобы финансировать правительство, – поэтому он не нуждается в его согласии.

Не заботясь о народе, режим, питающийся ресурсами, склонен тратить национальный доход на то, что отвечает его собственным интересам: расходы на образование падают, в то время как военные бюджеты раздуваются.

Ресурсная индустрия жестко связана с коррупцией. Клептократия, или правительство, основанное на воровстве, процветает. Придя к власти, у вас не будет стимула ее покидать. Экономика, основанная на центральном банке доходов от ресурсов, – это рецепт для политики «больших людей». Четыре самых долгоживущих правителя мира – Теодоро Обианг Нгема из Экваториальной Гвинеи, Жозе Эдуарду душ Сантуш из Анголы, Роберт Мугабе из Зимбабве и Поль Бийя из Камеруна – каждый из них возглавлял африканское государство, богатое нефтью или полезными ископаемыми. В общей сложности они правили более 150 лет.

От российских нефтяных олигархов до конкистадоров, грабивших серебро и золото Латинской Америки столетия назад, ресурсная рента концентрирует богатство и власть в руках немногих. Они порождают то, что Саид Джиннит, алжирский политик, который, будучи высшим должностным

лицом ООН в Западной Африке, выступал посредником в череде переворотов, называет «борьбой за выживание на самом высоком уровне».

Выживание означает захват этого банка ренты. Часто это означает, что другие должны умереть.

Проклятие ресурсов характерно не только для Африки, но в наибольшей степени оно проявляется на континенте, который одновременно является самым бедным и, возможно, самым богатым в мире.

На Африку приходится 13 процентов населения мира и всего 2 процента его совокупного валового внутреннего продукта, но она является хранилищем 15 процентов запасов сырой нефти, 40 процентов золота и 80 процентов платины – и это, вероятно, заниженная оценка, учитывая, что этот континент был разведан менее тщательно, чем другие.

В Африке находятся самые богатые алмазные копи, а также значительные залежи урана, меди, железной руды, бокситов (руды, из которой получают алюминий) и практически всех других плодов вулканической геологии. По одним подсчетам, Африка обладает примерно третью мировых запасов углеводородов и минеральных ресурсов.

Посторонние люди часто думают об Африке как о великом потоке филантропии, континенте, который безрезультатно поглощает помощь, а взамен вносит незначительный вклад в мировую экономику. Но если присмотреться к ресурсной индустрии, то отношения между Африкой и остальной

ным миром выглядят совсем иначе. В 2010 году объем экспорта топлива и минералов из Африки составил 333 миллиарда долларов, что более чем в семь раз превышает объем помощи, поступившей в обратном направлении (и это еще не считая огромных сумм, вывезенных с континента через коррупцию и налоговые махинации).

Однако неравенство между жизнью в местах, где эти ресурсы находят, и в местах, где их потребляют, дает представление о том, какие выгоды приносят торговля нефтью и горнодобывающая промышленность и почему большинство жителей Африки по-прежнему едва сводят концы с концами. На каждую женщину, умирающую при родах во Франции, приходится сто смертей в пустынной стране Нигер – главном источнике урана, который питает ядерную экономику Франции. Среднестатистический финн или южнокореец может рассчитывать дожить до восьмидесяти лет, благодаря экономике, в которой наиболее ценными компаниями являются Nokia и Samsung, два крупнейших в мире производителя мобильных телефонов. В отличие от них, если вы родились в Демократической Республике Конго, где находятся одни из самых богатых на планете залежей минералов, необходимых для производства аккумуляторов для мобильных телефонов, вам повезет дожить лишь до пятидесяти.

Физически грузы африканской нефти и руды отправляются туда и сюда, в основном в Северную Америку, Европу и, все чаще, в Китай, но в целом природные ресурсы континен-

та поступают на глобальный рынок, где цены устанавливают трейдеры, базирующиеся в Лондоне, Нью-Йорке и Гонконге. Если ЮАР экспортирует меньше золота, Нигерия – меньше нефти, или Конго – меньше меди, цены растут для всех. Торговые маршруты меняются: например, рост добычи сланцевого газа в Соединенных Штатах в последние годы привел к сокращению импорта нигерийской нефти, которая теперь направляется в Азию. Но если судить по доле, которую она составляет в общем объеме мировых поставок, то если вы четырнадцать раз заправите свой автомобиль, то в одном из этих баков будет очищенная нефть из Африки. Аналогичным образом, в каждом пятом мобильном телефоне есть кусочек тантала из плохих земель восточного Конго.

Африка не только непропорционально богата природными ресурсами, но и непропорционально зависима от них. Международный валютный фонд определяет «богатую ресурсами» страну – страну, которая рискует стать жертвой «ресурсного проклятия», – как ту, у которой более четверти экспорта зависит от природных ресурсов. По меньшей мере двадцать африканских стран попадают в эту категорию. На ресурсы приходится 11 процентов экспорта Европы, 12 процентов Азии, 15 процентов Северной Америки, 42 процента Латинской Америки и 66 процентов Африки – чуть больше, чем в странах бывшего СССР, и чуть меньше, чем на Ближнем Востоке. На нефть и газ приходится 97 процентов экспорта Нигерии и 98 процентов Анголы, большая часть экс-

порта приходится на алмазы. Когда во второй половине 2014 года цены на сырьевые товары начали падать, сырьевым государствам Африки напомнили об этой зависимости: бум привел к резкому росту расходов и заимствований, и перспектива резкого падения ресурсной ренты заставила бюджеты Нигерии, Анголы и других стран выглядеть весьма шаткими.

Ресурсное проклятие – это не просто неудачный экономический феномен, результат действия нематериальных сил; скорее, то, что происходит в ресурсных государствах Африки, – это систематический грабеж. Как и у его жертв, у его бенефициаров есть имена. Разграбление юга Африки началось в XIX веке, когда экспедиции военных, имперских посланников, шахтеров, купцов и наемников устремились с побережья в глубь страны, их аппетит к минеральным богатствам разжигали алмазы и золото вокруг основанного ими форпоста в Йоханнесбурге. По атлантическому побережью Африки торговцы уже вывозили рабов, золото и пальмовое масло. К середине двадцатого века из Нигерии потекли потоки сырой нефти. По мере того как европейские колонизаторы уходили, а африканские государства обретали суверенитет, корпоративные гиганты сырьевой индустрии сохраняли свои интересы. Несмотря на все технологические достижения, которыми было отмечено начало нового тысячелетия, и несмотря на то, что приходит осознание того, какой вред наносит планете ископаемое топливо, основные товары, которые в изобилии произрастают в Африке, остаются главными

составляющими глобальной экономики.

Добыча нефти в Нигерии

– Капитаны нефтяной и горнодобывающей промышленности, в состав которых входят многие богатейшие транснациональные корпорации, не любят считать себя частью проблемы. Некоторые считают себя частью решения. Половина мирового ВВП формируется за счет ресурсов, – заявил Эндрю Маккензи, глава крупнейшей в мире горнодобывающей компании BHP Billiton, на ужине для пятисот светил индустрии в лондонском клубе Lord's cricket ground в 2013 году.

– Я бы сказал, что все это так, – продолжил он. – В этом и заключается благородная цель нашей торговли: обеспечи-

вать экономический рост, который помогает миллионам, если не миллиардам, выбраться из нищеты.

Добывать – не значит грабить; есть шахтеры, нефтяники и целые компании, чьи принципы и поведение противоречат мародерским. Многие из сотен руководителей, геологов и финансистов, с которыми я встречался, считают, что они действительно служат благородному делу, и многие из них могут обоснованно доказать, что без их усилий все было бы гораздо хуже. То же самое можно сказать и о тех африканских политиках и государственных служащих, которые стремятся использовать природные ресурсы, чтобы вытащить своих соотечественников из нищеты. Однако механизм, грабящий Африку, мощнее их всех.

Эта машина грабежа была модернизирована. Если раньше договоры, подписанные под дулом пистолета, лишали жителей Африки их земли, золота и алмазов, то сегодня фаланги юристов, представляющих нефтяные и минеральные компании с годовым доходом в сотни миллиардов долларов, навязывают африканским правительствам кабальные условия и используют налоговые уловки, чтобы выкачивать прибыль из обездоленных стран. На месте старых империй возникли скрытые сети транснациональных корпораций, посредников и африканских властей. Эти сети объединяют государственную и корпоративную власть. Они не связаны ни с одной нацией и принадлежат транснациональным элитам, процветающим в эпоху глобализации. Прежде всего, они служат соб-

ственному обогащению.

Футунго Инкорпорейтед

Вниз по обрывистому склону, отделяющему президентский комплекс Анголы от расположенных внизу трущоб, стекают лишь страх и нечистоты. Чикала, разросшаяся за счет беженцев, бежавших от гражданской войны, которая бушевала в течение трех десятилетий во внутренних районах страны, простирается от главной прибрежной дороги в Луанде, столице страны. Периодически океан насылает шторм на ветхие жилища. Лодочники курсируют по заливам, их пассажиры привыкли к зловонию, исходящему от воды.

Это не то лицо, которое Ангола предпочитает демонстрировать миру. С момента окончания гражданской войны в 2002 году эта страна с населением 20 миллионов человек демонстрирует одни из самых высоких темпов экономического роста, временами даже опережая Китай. Минные поля уступили место новым дорогам и железным дорогам, что стало частью многомиллиардных усилий по восстановлению страны, которую разрушил один из самых страшных проксиконфликтов времен холодной войны. Сегодня Ангола – третья по величине экономика в Африке к югу от Сахары после Нигерии и ЮАР. Луанда неизменно занимает первые места в рейтингах самых дорогих городов мира для экспатриантов, опережая Сингапур, Токио и Цюрих. В сверкающих пятизвездочных отелях, таких как тот, что находится ря-

дом с Чикалой, невзрачный сэндвич стоит 30 долларов. Месячная арендная плата за самый элитный немеблированный дом с тремя спальнями составляет 15 000 долларов. Дилерские центры роскошных автомобилей занимаются оживленной торговлей, обслуживая внедорожники тех, чьи доходы растут быстрее, чем заделываются выбоины на забитых дорогах. На Ильха-де-Луанда, гламурной пляжной полосе баров и ресторанов, расположенной в нескольких минутах езды на катере от Чикалы, отпрыски элиты сходят на берег со своих яхт, чтобы пополнить запасы Dom Pérignon по 2000 долларов за бутылку. Железные дороги, отели, темпы роста и шампанское – все это нефть, которая залегает под почвой и морским дном Анголы. Как и страх.

В 1966 году американская нефтяная компания Gulf Oil, входившая в так называемую «семерку», которая в то время доминировала в отрасли, обнаружила огромные запасы нефти в Кабинде, анклаве, отделенном от остальной части Анголы частью территории соседнего государства – Конго. Когда после получения независимости от Португалии в 1975 году разразилась гражданская война, доходы от продажи нефти поддержали коммунистическое правительство правящего Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) против поддерживаемых Западом повстанцев «Униты». В 1990-х годах новые огромные запасы нефти у побережья страны повысили ставки как для воюющих группировок, так и для их иностранных союзников. Хотя Берлинская стена пала в

1989 году, мир в Анголе наступил только в 2002 году, после смерти лидера «Униты» Жонаса Савимби. К тому времени погибло около пятисот тысяч человек.

«МПЛА обнаружила, что нефтяная машина, которую она построила для обеспечения военных действий, может быть использована в других целях. Когда МПЛА сбросила марксистские одежды в начале 1990-х годов, – пишет Рикардо Соареш де Оливейра, специалист по Анголе, – правящая элита с энтузиазмом перешла к кумовскому капитализму».

Двор президента – несколько сотен семей, известных как «Футунго», по имени Футунго де Белас, старого президентского дворца, – приступил к «приватизации власти».

Соединив политическую и экономическую власть, как и многие другие представители постколониальной элиты, генералы, крупные деятели МПЛА и семья Жозе Эдуарду душ Сантуша, советского лидера партии, который занял пост президента в 1979 году, стали лично владеть богатствами Анголы. Изабел душ Сантуш, дочь президента, приобрела интересы от банковского дела до телевидения в Анголе и Португалии. В январе 2013 года журнал Forbes назвал ее первой в Африке женщиной-миллиардером.

Задача превратить нефтяную промышленность Анголы из военного сундука в машину для обогащения ангольской элиты в мирное время выпала на долю крепкого, полнолицего человека с победной ухмылкой и аккуратными усиками по имени Мануэль Висенте. Обладая тем, что один из его по-

мощников называет «головой, как калькулятор», в юности он занимался репетиторством со школьниками, чтобы пополнить свой скудный доход и поддержать семью. После работы учеником слесаря он изучал электротехнику. Несмотря на то, что его воспитанием занимались небогатый сапожник из Луанды и его жена-прачка, Висенте оказался в семье сестры душ Сантуша, тем самым обеспечив себе семейную связь с президентом. В то время как другие кадры МПЛА учились в Баку или Москве и возвращались в Анголу, чтобы вести войну в лесах против «Униты», Висенте оттачивал свой английский и знания в области нефтяной промышленности в Имперском колледже в Лондоне. Вернувшись на родину, он начал свое восхождение по нефтяной иерархии. В 1999 году, когда война вступила в фазу завершения, душ Сантуш назначил его руководителем Sonangol, ангольской государственной нефтяной компании, которая, по словам Паулы Кристины Роке, эксперта по Анголе, служит «главным экономическим двигателем» «теневого правительства, контролируемого и манипулируемого президентом».

Висенте превратил Sonangol в мощное предприятие. Он заключил жесткие сделки с крупнейшими нефтяными компаниями, потратившими десятки миллиардов долларов на разработку шельфовых месторождений Анголы, среди которых британская BP, американские Chevron и Exxon Mobil. Несмотря на жесткие переговоры, Ангола ошеломила представителей крупнейших компаний, и их руководители с ува-

жением относятся к Висенте.

– Ангола для нас – земля успеха, – сказал Жак Марро де Грот, глава отдела разведки и добычи в Африке французской компании Total, которая перекачивает больше нефти из этой страны, чем кто-либо другой.

При Висенте добыча нефти выросла почти в три раза и достигла 2 миллионов баррелей в день – более чем один из каждых пятидесяти баррелей, выкачиваемых в мире. Ангола соперничала с Нигерией за корону главного экспортера нефти в Африке и стала вторым по величине поставщиком в Китай после Саудовской Аравии, а также поставляла значительные объемы нефти в Европу и Соединенные Штаты.

На нефть приходится 98 процентов экспорта Анголы и около трех четвертей доходов правительства. Она также является жизненной силой Футунго. Когда в 2011 году Международный валютный фонд проверил национальные счета Анголы, он обнаружил, что с 2007 по 2010 год пропало 32 миллиарда долларов – сумма, превышающая валовой внутренний продукт каждой из сорока трех африканских стран и равная каждому четвертому доллару, который ежегодно производит ангольская экономика. Большая часть пропавших денег была отслежена по неконтролируемым расходам Sonangol; 4,2 миллиарда долларов были полностью неучтенными.

Расширив машину грабежа Футунго, Мануэл Висенте перешел во внутреннее святилище. Уже будучи членом полит-

бюро МПЛА, он недолго занимал специальный пост, отвечающий за экономическую координацию, а затем был назначен вице-президентом душ Сантуша, сохранив за собой роль «мистера нефть» Анголы. Он покинул штаб-квартиру Sonangol в центре города и отправился в затененные акациями виллы Cidade alta – комплекса на вершине холма, построенного португальскими колонизаторами, который сегодня служит нервным центром Футунго.

Добыча нефти отсталыми способами разрушает природу Нигерии

Подобно своим китайским коллегам, Футунго приняли капитализм, не ослабляя хватки политической власти. Толь-

ко в 2012 году, после тридцати трех лет пребывания на посту президента, душ Сантуш получил мандат от избирателей – и то лишь после того, как избирательные участки были перевернуты в его пользу. Критиков и протестующих сажают в тюрьму, избивают, пытают и казнят. Хотя Ангола не является полицейским государством, страх в ней ощутим. Начальник разведки уволен, самолет неисправен, несколько активистов попали в засаду, и все понимают, что они – потенциальные мишени. Агенты безопасности стоят на углах, давая понять, что они наблюдают. Никто не хочет говорить по телефону, потому что предполагает, что его слушают.

Утром в пятницу, 10 февраля 2012 года, нефтяная промышленность гудела от восторга. Cobalt International Energy, техасская геологоразведочная компания, объявила о сенсационных результатах бурения. На глубине под морским дном Анголы, равной половине высоты Эвереста, Cobalt обнаружила пласт нефти, который она назвала «мировым классом». Находка открыла один из самых многообещающих новых нефтяных рубежей, и Cobalt могла либо самостоятельно добывать нефть, либо продать ее одной из крупных компаний и получить солидную прибыль для своих владельцев. Когда открылся нью-йоркский фондовый рынок, акции Cobalt резко взлетели вверх. На одном из этапов они выросли на 38 процентов – огромное движение на рынке, где акции редко меняются более чем на пару процентных пунктов. К концу дня рыночная стоимость компании составила 13,3

миллиарда долларов, что на 4 миллиарда долларов больше, чем вечером предыдущего дня.

Джо Брайант, председатель совета директоров и главный исполнительный директор компании Cobalt, считает, что ставка на доисторическую геологию принесла потрясающие плоды. Сто миллионов лет назад, до того как тектонические сдвиги разорвали их на части, Северная и Южная Америка и Африка были единой землей – два берега южной Атлантики очень похожи друг на друга. В 2006 году нефтяные компании пробили толстый слой соли под бразильским морским дном и обнаружили залежи нефти. Аналогичный соляной слой тянется от Анголы. Брайант и его геологи задались вопросом, не скрываются ли те же сокровища под ангольским соляным слоем.

Брайант работал главой прибыльных операций BP в Анголе, где он и приобщил к делу Футунго.

– Джо Брайант очень быстро вошел в нефтяное окружение, – сказал мне один эксперт по Анголе, имеющий хорошие связи. Французские руководители известны своей «надменностью», но Брайант нашел друзей в Луанде. Он знает, как найти с ними общий язык, как с ними разговаривать, – сказал эксперт.

В 2005 году Брайант решил действовать самостоятельно и основал компанию Cobalt, взяв с собой главу отдела геологоразведки BP и открыв офис в Хьюстоне, столице нефтяной промышленности США.

– Буквально из моего гаража мы превратились в конкурентов крупнейших компаний мира, – вспоминает Брайант.

Брайанту нужны были сторонники с глубокими карманами. Он нашел их на Уолл-стрит. Трейдеры из Goldman Sachs давно играли на сырьевых рынках; острые как бритва банкиры Goldman курировали слияния и поглощения между ресурсодобывающими компаниями. Теперь, в Cobalt, у него будет своя собственная нефтяная компания. Goldman и два самых богатых американских фонда прямых инвестиций, Carlyle и Riverstone, вместе выложили 500 миллионов долларов на запуск Cobalt.

В июле 2008 года, когда компания Cobalt вела переговоры о правах на геологоразведку, чтобы проверить свою теорию о потенциале «подсолевых» нефтяных границ Анголы, ангольцы выдвинули одно условие. Cobalt должна была взять в качестве младших партнеров две малоизвестные местные компании, каждая с миноритарной долей. Это требование якобы было частью декларируемой режимом цели – помочь ангольцам закрепиться в отрасли, которая обеспечивает всего 1 процент рабочих мест, хотя приносит почти весь экспортный доход страны. Соответственно, в 2010 году Cobalt подписала контракт, согласно которому она владела 40-процентной долей в предприятии и была оператором. Sonangol, государственная нефтяная компания, имела 20 процентов. Две местные частные компании, Nazaki Oil и Gáz и Alper Oil, получили 30 и 10 процентов соответственно. Разведка

началась со всей серьезностью. Еще до потрясающей находки геологи Cobalt окрестили ангольское месторождение «Золотой пылью». На пике роста акций Cobalt после обнародования ангольской находки акции компании Goldman Sachs стоили 2,7 миллиарда долларов. Компания Cobalt переехала в Хьюстон в новую сверкающую штаб-квартиру, расположенную недалеко от офисов крупнейших компаний. Один из посетителей офиса Джо Брайанта в Кобальтовом центре отметил потрясающий вид на город.

– Кобальт, – заметил местный риелтор, – станет огромной историей успеха Хьюстона.

Была только одна загвоздка. Cobalt не раскрыла – более того, компания утверждает, что не знала, – что три самых влиятельных человека в Анголе владели тайными долями в ее партнере, Nazaki Oil and Gáz. Одним из них был Мануэль Висенте. Будучи руководителем Sonangol на момент заключения сделки с Cobalt, он контролировал выдачу нефтяных концессий и условия контрактов. Два других скрытых владельца Nazaki были не менее влиятельны. Леопольдино Фрагосо ду Насименту, бывший генерал, известный как Дино, имеет интересы от телекоммуникаций до торговли нефтью. В 2010 году он был назначен советником третьего влиятельного владельца Назаки, генерала Мануэля Хелдера Виейра Диаша Жуниора, более известного как Копелипа. Один из ветеранов политики Футунго, который конфликтовал с Копелипой, сказал мне, что, если когда-нибудь настанет день

падения Копелипы, «люди на улицах разорвут его на куски за то, что он сделал в прошлом». Будучи главой военного бюро при президенте, он руководит службой безопасности, которая защищает Футунго любыми средствами. Некоторые даже осмеливаются называть его «o chefe do boss» – босс босса. Во время войны он занимал пост начальника разведки и координировал закупки оружия для МПЛА. В последнее время он стал главным среди «бизнес-генералов», высокопоставленных лиц в органах безопасности, которые превратили свое влияние в доли в алмазах, нефти и любом другом секторе, который выглядит прибыльным. Вместе эта троица составила основу коммерческого предприятия Футунго.

Давно забытый закон 1977 года запрещает американским компаниям участвовать в приватизации власти в далеких странах. Обновленный в 1998 году Закон о коррупции за рубежом считает преступлением то, что компания, ведущая деятельность в США, платит или предлагает деньги или что-либо ценное иностранным чиновникам, чтобы получить бизнес. Он распространяется как на сами компании, так и на их должностных лиц. В течение многих лет после принятия FCPA был скорее похвальным идеалом, чем действующим законом. Однако с конца 2000-х годов ведомства, которые должны были обеспечивать его соблюдение, – Министерство юстиции, которое возбуждает уголовные дела, и Комиссия по ценным бумагам и биржам, регулирующая фондовый рынок, которая занимается гражданскими делами, – начали де-

лать это с энтузиазмом. В их поле зрения попали такие крупные имена, как BAE Systems, Royal Dutch Shell и бывшая дочерняя компания Halliburton под названием Kellogg Brown & Root. Все трое признали факт нарушения FCPA или связанных с FCPA нарушений, и в результате дела были оштрафованы и лишены прибыли на общую сумму более миллиарда долларов – хотя такие суммы едва ли могут повлиять на прибыль столь крупных компаний. В отношении нефтяных и горнодобывающих компаний было возбуждено больше дел по FCPA и аналогичным законам, принятым в других странах, чем в любом другом секторе. Так, урегулирование споров между Halliburton и Shell касалось взяточничества в Нигерии. Компании хотят получить права на конкретные географические территории на максимально выгодных условиях. Для жителей сырьевых государств Африки к югу от Сахары получение части ренты, которую сырьевые компании платят государству в обмен на прибыльную территорию, или занятие позиции привратника на этой территории – это, безусловно, самый прямой путь к богатству.

Доставка чемодана, набитого деньгами, – лишь самый простой способ обогащения местных чиновников через нефтяные и горнодобывающие предприятия, управляемые иностранными компаниями. Более изощренный метод предполагает участие местных компаний, зачастую не имеющих достаточного опыта работы в сырьевых отраслях. Эти компании получают долю в начале нефтяного или горнодобываю-

щего проекта, наряду с иностранными корпорациями, которые будут копать и бурить. Иногда владельцами таких компаний становятся настоящие местные бизнесмены. Но часто это просто подставные компании, владельцами которых являются те самые чиновники, которые влияют или контролируют предоставление прав на нефтяные и горнодобывающие проекты и стремятся превратить это влияние в долю прибыли. В последнем случае иностранная нефтяная или горнодобывающая компания рискует попасть под действие антикоррупционного законодательства у себя на родине. Но зачастую конечные владельцы подставных компаний скрыты за слоями корпоративной тайны. Одна из причин, по которой иностранные ресурсные компании проводят так называемый «due diligence», прежде чем начать инвестиции за рубежом, – это стремление установить, кто на самом деле является владельцем их местных партнеров. В некоторых случаях расследования, проводимые в рамках due diligence, сводятся, по словам одного из бывших топ-банкиров, к «производству отрицания». В других случаях due diligence выявляет столько «красных флажков» в отношении перспективной сделки, что компания просто отказывается от нее. Часто доказательства, которые собирает due diligence-расследование в отношении коррупционных рисков, оказываются неубедительными. Тогда компания сама решает, стоит ли продолжать работу.

В 2007 году, когда ангольские амбиции начали обретать реальные очертания, Cobalt привлекла для проведения юри-

дической проверки Vinson & Elkins и O'Melveny & Myers, две уважаемые американские юридические фирмы. В Анголе не так-то просто получить корпоративную документацию, хотя предполагается, что любая компания должна иметь доступ к документам своих партнеров. Мне удалось получить регистрационные документы Nazaki, и влиятельная троица владельцев нигде не фигурировала. Но некоторые подсказки все же есть. В одном из документов человек по имени Жозе Домингос Мануэль назван одним из семи акционеров Nazaki и назначенным управляющим компании. Его имя также фигурирует рядом с именами Висенте, Копелипы и Дино в списке акционеров отдельного нефтяного предприятия. Это могло бы стать тревожным сигналом для любой компании, рассматривающей возможность сотрудничества с Nazaki: оно демонстрировало явную связь между одним акционером Nazaki и тремя самыми влиятельными людьми в Futungo. (Жозе Домингуш Мануэль, как мне сказали два человека, хорошо знающие Футунго, был старшим офицером в армии и известным соратником Копелипы.) Был и еще один тревожный сигнал: шесть из семи акционеров Nazaki были названы физическими лицами, а седьмым была компания под названием Grupo Aquattro Internacional. В регистрационных документах компании Aquattro не указаны ее акционеры. Но ими являются Висенте, Копелипа и Дино.

В 2010 году, через два года после того, как ангольские власти впервые сообщили компании Cobalt, что хотят, что-

бы она сделала Nazaki своим партнером, ангольский активист-антикоррупционер Рафаэль Маркес де Мораис опубликовал доклад, в котором утверждал, что Висенте, Копелипа и Дино были истинными владельцами Aquattro и, соответственно, Nazaki. «Их сделки не признают различий между государственными и частными делами, – писал он. – Nazaki был лишь одним из винтиков в системе грабежа, которая означала, что трофеи власти в Анголе делятся между немногими, а многие остаются нищими».

По крайней мере, один из следователей, проводивших due-diligence, знал о том, что, по словам Cobalt, ему не удалось установить. В первой половине 2010 года этот следователь – назовем его Джонс – обменялся серией служебных записок с Control Risks, одной из крупнейших компаний в сфере корпоративной разведки. Как следует из переписки, Control Risks запустила «Проект Бенихана» – мероприятие, получившее кодовое название в честь сети японских ресторанов во Флориде, – для поиска Nazaki. Джонс, опытный специалист по Анголе, предупредил своего собеседника в Control Risks, что нефтяные концессии в Анголе предоставляются только в том случае, если это выгодно МПЛА и бизнес-элите. Далее он назвал Копелипу одним из тех, кто стоит за Nazaki. Ни один клиент в переписке не назван. (В большинстве подобных случаев внештатным расследователям не сообщают, от чьего имени они в конечном итоге работают.) И Cobalt, и Control Risks отказались сообщить, была ли те-

хасская группа клиентом в этом деле. Но ясно одно: предупреждения были налицо. По крайней мере, еще одно известное мне расследование due-diligence также получило информацию о связях Nazaki с Футунго.

По собственному признанию, Cobalt пошла на сделку в стране, которая в 2010 году занимала 168-е место из 178 стран в ежегодном индексе восприятия коррупции Transparency International, не зная истинной личности своего партнера – компании, не имеющей никакого опыта работы в отрасли и зарегистрированной по адресу на задворках Луанды, который я не смог найти, когда искал его в 2012 году.

Когда власти США сообщили компании Cobalt о начале официального расследования ее деятельности в Анголе, компания заявила, что все в порядке. Без всякой шумихи, сопровождавшей громкое объявление о крупном открытии, сделанном в начале того же месяца у побережья Атлантического океана, Cobalt раскрыла информацию о расследовании в своем ежегодном отчете для акционеров.

– Nazaki неоднократно письменно опровергала эти обвинения, – заявила компания Cobalt своим акционерам, заявив далее, что «провела обширное расследование этих обвинений и считает, что наша деятельность в Анголе соответствовала всем законам, включая FCPA». Два месяца спустя, когда я написал Джо Брайанту, чтобы спросить его об обвинениях, адвокат Cobalt ответил: «В результате «обширной и постоянной» комплексной проверки Cobalt не было най-

дено никаких достоверных подтверждений главного утверждения о том, что правительственные чиновники Анголы, и в частности… [Висенте, Копелипа и Дино] имеют какое-либо участие в компании Nazaki». Говоря о своем масштабном открытии, сделанном несколькими неделями ранее, адвокат Cobalt добавил: «Успех, естественно, влечет за собой множество проблем. Одна из них – отвечать на необоснованные обвинения».

Проблема для Cobalt заключалась в том, что обвинения были небезосновательными. Я также написал Висенте, Копелипе и Дино, изложив доказательства того, что они владели долями в Nazaki, которые я собрал из документов и интервью. Висенте и Копелипа написали почти идентичные письма, подтвердив, что они с Дино действительно владели Aquattro и, следовательно, тайными долями в Nazaki, но настаивая на том, что в этом нет ничего плохого. Они держали свои пакеты акций Nazaki, «всегда соблюдая ангольское законодательство, применимое к подобной деятельности, не совершая никаких преступлений, связанных со злоупотреблением властью и/или торговлей влиянием с целью получения незаконных преимуществ для акционеров». В любом случае, эти пакеты акций были «недавно ликвидированы». Если американское законодательство заставит компанию Cobalt уйти из Анголы, продолжали Копелипа и Висенте, другие компании будут готовы занять ее место.

В кабинете Мануэля Висенте в президентском комплексе

Луанды на вершине холма единственным звуком было урчание кондиционера, поддерживающего в комнатах комфортную температуру в 70 градусов по Фаренгейту, и стук молотка, которым рабочие с утра пораньше проводили ремонтные работы на улице. «Мерседес» и «Лэнд Крузер» стояли наготове, чтобы разъехаться, если министру понадобится выехать за пределы комплекса, окруженного высокой красно-коричневой стеной. Единственным украшением бежевых стен был портрет душ Сантуша в золотой рамке.

Вошел Висенте, одетый в элегантный костюм и выглядевший свежим после утренней пробежки. Если он и был раздосадован тем, что двумя месяцами ранее я назвал его бенефициаром сомнительной нефтяной сделки, то никак этого не показал.

Действительно, как выразился Висенте, смущаться было не из-за чего. Если бы, будучи главой Sonangol, он сознательно владел долей в компании, назначенной местным партнером иностранной группы, это было бы «конфликтом интересов», признал он. Но Висенте, человек с репутацией безжалостного специалиста и превосходным знанием нефтяной промышленности Анголы, утверждал, что не знал, что Aquattro, инвестиционная компания, которую он делил с Копелипой и Дино, владела долей в Nazaki, местном партнере Cobalt.

Позиция Висенте была, по сути, такой же, как и у Cobalt: если в нефтяной сделке и было что-то неприличное, они об

этом не знали. Висенте сказал мне, что он «очень хорошо» знал Джо Брайанта. Их отношения завязались много лет назад, после создания Cobalt, когда Брайант работал в Amoco, американской нефтяной компании, которая в 1998 году слилась с BP. Эти отношения, как мне показалось, могли бы дать простой способ проверить, не владели ли Висенте и его друзья тайными долями в Nazaki. Брайант мог просто спросить Висенте, правдивы ли слухи. Я спросил Висенте:

– Вы с Брайантом когда-нибудь обсуждали этот вопрос?

– Нет, – ответил он.

Помимо личной доли в нефтяном бизнесе, члены Футунго следят за тем, чтобы доходы от продажи нефти, поступающие ангольскому государству, направлялись на нужды режима. В бюджете Анголы на 2013 год 18 % государственных расходов было направлено на оборону и поддержание общественного порядка, 5 % – на здравоохранение и 8 % – на образование. Это означает, что правительство потратило на оборону в 1,4 раза больше, чем на здравоохранение и школы вместе взятые. Для сравнения, Великобритания тратит на здравоохранение и образование в четыре раза больше, чем на оборону. Ангола тратит на военные нужды большую часть своего бюджета, чем правительство апартеида в Южной Африке в 1980-е годы, когда оно стремилось подавить растущее сопротивление у себя дома и разжигало конфликты в соседних странах.

Щедрые субсидии на топливо изображаются как спасение

для бедных, но на самом деле от них выигрывают в основном только те, кто достаточно богат, чтобы позволить себе автомобиль, и достаточно политически связан, чтобы получить лицензию на импорт топлива. В десятилетие до 2012 года правительство Анголы вкладывало нефтедоллары в контракты на строительство дорог, жилья, железных дорог и мостов в размере 15 миллиардов долларов в год – огромная сумма для страны с населением в 20 миллионов человек. Дороги становятся лучше, железные дороги постепенно проникают вглубь страны, но строительная волна также оказалась благодатной для растратчиков: по оценкам, откаты составляют более четверти конечной стоимости государственных строительных контрактов. И большая часть финансирования осуществляется в виде нефтяных кредитов из Китая, значительная часть которых аккумулируется специальным офисом, которым генерал Копелипа руководит уже много лет.

– Страна обретает новое лицо, – говорит Элиас Исаак, один из самых известных антикоррупционных активистов Анголы. Но обретает ли она новую душу?

Мануэль Висенте стремился исправить впечатление, что правители Анголы отказались от своих обязанностей по отношению к гражданам.

– Хочу заверить вас, что правительство действительно серьезно настроено на борьбу с бедностью, – сказал он мне.

– Мы серьезные люди, мы хорошо знаем свою работу и хорошо знаем свою ответственность.

Беседуя с ним, я не сомневался, что какая-то часть Висенте хочет улучшить положение своих соотечественников или, по крайней мере, чтобы было видно, что он пытается это сделать.

– Я христианин, – сказал он. – Если у тебя все хорошо, а людям вокруг нечего есть, это не работает. Вы не чувствуете себя комфортно.

Есть два решения этой проблемы: поделиться едой или убрать голодных с глаз долой. Судя по послужному списку Футунго, он предпочитает последнее.

Антониу Томаш Ана живет в Чикале с 1977 года, до того как новые беженцы, спасавшиеся от гражданской войны во внутренних районах страны, превратили сонное рыбацкое поселение в такое скопление людей, каким оно является сегодня, зажатое между океаном и склонами, поднимающимися к президентскому комплексу. Более известный как Этона, он является одним из выдающихся художников Анголы. В мастерской под открытым небом, обнесенной стеной из ветрового стекла, его помощники с помощью стамесок и молотков обрабатывают стволы акации. Одна из его фирменных деревянных скульптур из тощего дерева украшает вестибюль штаб-квартиры Sonangol.

Среди шестидесяти пяти тысяч соседей Этоны в Чикале – офицеры и профессиональный фотограф, приносящий пять тысяч долларов в месяц, что не так уж и дорого в сверхдорогой Луанде, но позволило ему превратить хижину из гофри-

рованного железа, которую он купил двадцать пять лет назад, в угловатое, но прочное строение, вокруг которого сегодня резвятся его внуки. В июне 2012 года этот дом, как и мастерская Этона, и библиотека, которую он строит, вместе с остальной частью Чикалы должны были быть сровнены с землей.

При наличии выбора мало кто предпочел бы жить в Чикале со скудными удобствами и возможностями. Правящая партия обещала провести электричество во время предвыборной кампании 2008 года, но его так и не провели, а из последнего обещания, данного в преддверии выборов 2012 года, мало что вышло – провести водопровод. Но такие места, как Чикала, – это общины, со своими устоями и товариществом. По оценкам, трое из каждых четырех жителей Луанды, общая численность которых составляет от 5 до 8 миллионов человек, живут в трущобах, известных как мусеки. Хотя условия в некоторых из них, например, в поселении на вершине мусорной свалки, ужасны, у Чикалы и других центральных мусеке есть свои преимущества. В коммерческих районах Луанды работа, официальная или неофициальная, находится совсем рядом.

Этона проводит много времени, размышляя о благоустройстве трущоб, которые он легко мог бы себе позволить покинуть.

– Регенерация – это не дороги и тротуары, это в голове, – сказал он мне, когда мы встретились в его мастерской, его

красная рубашка была девственно чистой, несмотря на полуденную жару. Это, – сказал он, махнув рукой в сторону шумных трущоб, где неподалеку молодые люди яростно резались в настольный футбол, – это тоже часть культуры, часть страны.

Но дни Чикалы были сочтены. Ее жителей, хотели они того или нет, должны были переселить в новые поселения на окраине Луанды. На окраине Чикалы возвышались новый роскошный отель и сверкающие офисы американской нефтяной компании – предвестники того, что должно было занять место этого района. Пляж, где когда-то шумели рыбные рестораны и бары, был огорожен забором, готовый к приходу застройщиков.

Жители Чикалы, с которыми я беседовал, отнеслись к обещаниям властей о лучшей жизни в других местах с глубоким подозрением. Около трех тысяч человек уже были вывезены, некоторые из них были схвачены полицией и упакованы вместе с вещами в грузовики, причем любые возражения игнорировались. Правительство готово применить силу, чтобы очистить трущобы, перебрасывая войска на вертолетах для выселения на рассвете. Но Этона, например, намерен сопротивляться, когда придет его черед: «Если мы не выскажемся, нас увезут в Занго».

Занго находится чуть более чем в 20 километрах к югу от центра Луанды, где столичная застройка редеет, уступая место охристым зарослям буша. Как и соседнее поселение

на севере, он должен стать новым началом для обитателей ангольских трущоб.

– По мнению чиновников, Занго – это земля обетованная. Мы переселяем их в более достойное жилье, – сказала мне Роза Палавера, глава отдела по борьбе с бедностью при президенте. – В Чикале нет базовых услуг. Там царит преступность.

Даже если не обращать внимания на официальное пренебрежение, которое лежит в основе отсутствия удобств в Чикале, Занго вряд ли предпочтительнее. Тем, кто переехал в Занго, повезло, если они нашли базовые услуги на уровне тех, которые они оставили. Иногда новые дома были даже меньше старых. На аэрофотоснимках новые поселения выглядели как тюремные лагеря с их приземистыми жилищами, расположенными неизменными рядами. Появились и лачуги, куда более ветхие, чем все, что было в Чикале. Те, кто пытался выжить, отправляясь из Занго в город на работу, уезжали задолго до рассвета и возвращались за полночь, едва ли оставляя время на сон, не говоря уже о встрече с детьми. Другие новоприбывшие просто возвращались в Чикалу – смелый шаг, учитывая, что трущобы находятся в зоне ответственности военного бюро, которым руководит генерал Копелипа, опасающийся начальника службы безопасности.

Когда вы едете из Занго обратно в центр Луанды, дорога пересекает невидимую границу, отделяющую большинство ангольцев от анклава изобилия, созданного нефтедобываю-

щей экономикой.

Сверкающее новое поселение в Киламбе было построено с нуля китайской компанией за 3,5 миллиарда долларов. Охранники, дежурившие у ворот, приняли устрашающую стойку, когда мы подъехали к ним по длинной извилистой дороге. Они пропустили меня и моих спутников в обмен на бутылку воды. Внутри царила жуткая атмосфера, напоминающая один из фильмов-катастроф, в которых все живое уничтожено. Ничто не шевелилось в сухой жаре. Ряд за рядом тянулись сверкающие пастельными тонами жилые дома высотой от пяти до десяти этажей, исчезая на горизонте, за которыми тянулись ухоженные травяные обочины и опоры линий электропередач. Дороги были как шелк, самые лучшие в Анголе. За пределами самых богатых районов Южной Африки, в частности закрытых поселков, известных их более поэтичным недоброжелателям как «питомники яппи», я не видел в Африке ничего похожего на Киламбу.

Только что построенные квартиры продавались по цене от 120 до 300 тысяч долларов за штуку тем, кто был достаточно богат, чтобы избежать давки в центре Луанды. По слухам, первые жители двадцати тысяч квартир в Киламбе уже заселились, но их не было видно. Около половины населения Анголы живет за международной чертой бедности – 1,25 доллара в день; каждому из них потребуется около 260 лет, чтобы заработать достаточно для покупки самой дешевой квартиры в Киламбе. Цены снизились после официального визита

президента, но тем не менее только самые богатые ангольцы могли позволить себе жить здесь.

Бригады китайских рабочих в синих комбинезонах и касках приезжали на пикапах. Как и другие китайские строительные проекты в Африке, Киламба был построен с помощью китайских финансов и китайской рабочей силы, и он был частью более крупной сделки, которая обеспечивала доступ Китая к природным ресурсам – в данном случае к нефти Анголы. Над входом в Киламбу развевались китайские и ангольские флаги. Это был флагманский проект Китая в Африке: Си Цзиньпин осмотрел строящийся объект в 2010 году, за три года до того, как перешел с поста вице-президента на пост президента Китая. Огромный рекламный щит возвещал, что новый город построил Citic, китайский государственный конгломерат, чья деятельность охватывает банковское дело, ресурсы и строительство. Надзор за строительством был возложен на компанию Sonangol, которая передала управление продажами квартир компании Delta Imobiliária. По слухам, Delta принадлежала к частной бизнес-империи Мануэля Висенте и генерала Копелипы. Оба человека имели все шансы использовать государственную власть для извлечения личной выгоды, точно так же как они получили скрытые доли в нефтяном предприятии Cobalt. Киламба был, по словам ангольского активиста Рафаэля Маркеса де Мораиса, «настоящей моделью африканской коррупции».

Hexplosivo Mental читает рэп с напряжением – брови нахмурены, левая рука держит микрофон, правая рассекает воздух. Подобно Public Enemy и другим представителям протестного рэпа до него, он выбрал своими темами нападки на злоупотребления сильных мира сего. Вытянутая фигура в балахоне, он громко и лирично озвучивает инакомыслие в Анголе, о котором долгое время говорили только шепотом, призывая к контрудару против монополии правящего класса на богатство и власть в таких треках, как «How It Feels to Be Poor», «Reaction of the Masses» и «Be Free».

В один из вторников мая 2012 года группа из десяти молодых ангольцев собралась в доме одного из представителей нового поколения политически сознательных рэперов в Луанде. Среди них был и Хексплосиво Ментал. Они участвовали в организации небольших, но согласованных демонстраций, которые привели в ярость режим. Находясь в авангарде протеста против власти Футунго, группа уже сталкивалась с властями, в частности, когда полиция разгоняла их демонстрации. Это был уже не первый раз, когда на дом совершалось нападение. Но группа из пятнадцати человек, появившаяся в тот вечер чуть позже десяти, хотела преподать диссидентам более серьезный урок. До выборов, на которых душ Сантуш планировал одержать убедительную победу, оставалось три месяца, и одних только нефтяных денег было бы недостаточно, чтобы нейтрализовать публичные выступления против его правления. Ворвавшись в дверь, мужчины

набросились на своих жертв с железными прутьями и мачете, ломая руки, проламывая черепа и проливая кровь. Закончив работу, они уехали на Land Cruisers. В одном из рассказов о нападении утверждается, что машины принадлежали полиции, что свидетельствует о принадлежности нападавших к одному из прорежимных ополчений, чьей задачей было нагнетание страха перед выборами.

В ту ночь никто не погиб, но когда я разговаривал с Хексплосиво Менталом несколько недель спустя, его тяжело раненная рука все еще находилась на лечении. Мы договорились незаметно встретиться на оживленной кольцевой развязке в Луанде. Я подождал минут тридцать, прежде чем он позвонил и сказал, что ему нужно вернуться в больницу. Позднее, разговаривая по телефону, молодой рэпер сказал просто: «Раньше мы не знали, как протестовать. Теперь мы растем». В преддверии выборов прошло несколько серьезных антиправительственных демонстраций, но если Хексплосиво Ментал и его товарищи надеялись бросить вызов укоренившемуся режиму в масштабах революций «арабской весны», вспыхнувших далеко на севере, то напрасно. Объем официального финансирования политических партий был сокращен с 1,2 миллиона долларов на законодательных выборах 2008 года до 97 тысяч долларов. Тем временем МПЛА, по слухам, потратила на свою предвыборную кампанию 75 миллионов долларов. МПЛА пользуется реальной поддержкой, особенно в прибрежных городах, которые были

ее бастионом во время войны, и среди ангольцев, настолько травмированных конфликтом, что они рассматривают голосование за любого действующего президента, каким бы продажным он ни был, как вариант, который несет наименьший риск возвращения к военным действиям. Режим мало что оставляет на волю случая: он доминирует в средствах массовой информации, назначает своих ставленников в органы, проводящие выборы, кооптирует оппозиционных политиков и запугивает оппонентов. Копелипа руководил избирательным аппаратом, из-за которого 3,6 миллиона человек не смогли проголосовать – почти столько же голосов, сколько получила МПЛА. Доля голосов МПЛА упала на девять пунктов по сравнению с выборами 2008 года, но она все равно одержала убедительную победу, набрав 72 процента. По новой системе президентом становился тот, кто первым попадал в список победившей партии. Спустя более трех десятилетий после прихода к власти душ Сантуш может заявить, что у него есть мандат на правление, несмотря на результаты авторитетного опроса общественного мнения, согласно которому его одобряют всего 16 процентов ангольцев.

В августе 2014 года, спустя три года после того, как власти США начали коррупционное расследование ангольской сделки, Cobalt выпустила заявление, в котором сообщила, что Комиссия по ценным бумагам и биржам США уведомила ее о возможности возбуждения гражданского дела против компании.

– Компания полностью сотрудничала с SEC в этом вопросе и намерена продолжать это делать, – заявила Cobalt.

Джо Брайант назвал решение SEC «ошибочным» и заявил, что Cobalt продолжит разработку своих ангольских месторождений. На момент написания статьи никаких разбирательств не было, и Cobalt, как и прежде, отрицает свою неправоту. Цена акций Cobalt, которая упала на миллиард долларов после появления новостей о ее тайных ангольских партнерах и еще больше снизилась после посредственных результатов бурения, упала еще на 10 процентов после появления предупреждения Комиссии по ценным бумагам и биржам США. Основатели Cobalt уже получили кругленькую прибыль. В период между февралем 2012 года, когда Cobalt объявила, что в отношении нее ведется официальное расследование, и апрелем, когда Копелипа и Висенте подтвердили мне, что они и Дино владеют долями в Nazaki, Джо Брайант продал 860 000 своих акций компании за 24 миллиона долларов. С начала коррупционного расследования и до конца 2013 года – в этот период Cobalt также обнаружила нефть в Мексиканском заливе – Goldman Sachs, совместный фонд Riverstone-Carlyle и First Reserve, еще одна крупная американская частная инвестиционная компания, совершили продажи акций Cobalt на сумму 1 миллиард долларов.

Я попытался выяснить, кому досталась доля в компании Nazaki, которую, по словам Висенте, он, Копелипа и Дино «ликвидировали», а также остались ли акционерами их де-

ловые партнеры, но ни трио, ни сама компания ничего мне не сказали. В феврале 2013 года Nazaki передала половину своей доли государственной нефтяной компании Sonangol. Официальный журнал не раскрывает размер вознаграждения, которое Sonangol заплатила за долю, но, по оценкам банкиров, она стоила около 1,3 миллиарда долларов, что по меньшей мере в четырнадцать раз превышало сумму, которую Nazaki должна была заплатить за разработку до этого момента. Если какое-либо вознаграждение было выплачено, это означало перевод средств из казны государства, где подавляющее большинство населения живет в нищете, в частную компанию, связанную с Футунго. Затем, в 2014 году, через три недели после того, как Cobalt сообщила, что против нее могут возбудить дело в Комиссии по ценным бумагам и биржам США, компания объявила о разрыве связей с Nazaki и Альпером, чья собственность не раскрывается. Обе компании передали свои доли в предприятии Cobalt компании Sonangol. И снова ни одна из сторон не раскрыла, какое вознаграждение было выплачено, если оно вообще было выплачено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.